

БЕЛГОРОДСКИЙ ПОЭТ ДМИТРИЙ МАМАТОВ: ЗВУКОСИМВОЛИКА – ИНТОНАЦИЯ – ЛИРИЧЕСКИЙ ПАФОС

Россия, УХОДЯЩАЯ НАВСЕГДА...

Поэт, член Союза писателей РФ, белгородец Дмитрий Маматов мало известен широкой публике. Однако, воспевая в своём творчестве русскую деревню, он словно завершает дело, начатое Рубцовым и Есениным, и, поэтому, невольно стоит в одном ряду с ними.

«Её забыли все вожди и боги, но мне деревня с каждым днём родней...» – восклицает поэт, с болью отмечая необратимые, чуждые природе изменения в сознании современников.

Приведенная подборка стихотворений Дмитрия Акимовича позволит читателям вспомнить бескрайние просторы России и маленький деревенский домик, в котором когда-то жили наши родители, деды или прадеды.

ЗЕМЛЯ

*За холмам, где отцвела гречиха
И сверчок отсчитывает век,
Без дурного замысла и лиха
Одинокий бродит человек.*

*От судьбы растерянной людского
Лишь осталась ветхая сума.
Он ушёл от шума городского,
Чтоб от шума не сойти с ума.*

*Человек идёт, куда не зная,
И куда лежит далёкий путь,
А в руке соломинка ржаная,
Словно в поле можно утонуть.*

*Он всё кочки трогает рукою,
А свеченьем слезоборбских глаз
Излучает зарево такое,
Будто землю видит в первый раз.*

*Лишь порою с остановкой краткой
Тихо влагу вытирает с век
И целует землю ту украдкой,
Землю потерявший человек.*

В плеяде поэтов Белогорья Дмитрий Маматов выделяется музыкальностью своих строк, начиная творить стихотворение, отталкиваясь не от слова даже, а от «диалога» звуков, от соположения сходно звучащих слогов в контактно и дистантно расположенных словах. Мы немного писали об этом ранее (Харченко, 1998: 212-213), однако тема далеко не закрыта, тем более в Год русского языка, когда необходимо обновить оценку и содержательных, и эстетических возможностей слова в границах региональной поэзии.

Проблема заключается в том и обостряется тем, что о звуковой эстетике современного русского языка говорится и пишется на порядок реже и меньше, нежели о содержательной эстетике, а если и пишется, то на материале классических текстов известных поэтов. Особенно интенсивно исследуются сейчас в этом направлении поэты Серебряного века. Региональной поэзии в отношении анализа звуковой эстетики заведомо не везет, хотя в ней немало того, на что может обратить внимание исследователь и что может быть включено в копилку достижений и достоинств отечественного поэтического слова. Проиллюстрируем сказанное отрывками из стихотворений Дмитрия Маматова.

*Отзвенел золотой колоколец / В
предосенней густой синеве. / Тишина опу-
стелых околес / Заплуталась в пожух-
лой траве. («Тишина»).*

Выразительное начало стиха обуславливается выбором звука [З] (отзвенел золотой), но далее начинается игра ассонансов, гласных звуков, получающих поэтический заряд: зОлОтОй кОлОкОлец... предОсенней густОй... Опустелых ОкОлец... опУстелых... заплУталась в пожУхлой... Поддержанная повторяющейся фонемой «О», семантика существительного «колоколец» далее «передает права» другой фонеме [У], а [У], как известно, звук грусти, органично вписывающийся в интонацию осенней тематики стиха.

*Я на жалейке заиграю / Весны пред-
вестникам – грачам, / Где моему степ-
ному краю / Уже не спится по ночам.
(«Жалейка»).*

В этой, тоже начальной, как и в предыдущем стихотворении, строфе консонантный центр образует соположение групп звуков, прежде всего согласных: ВЕСНЫ предВЕСТНИкам, а вся строфа подчинена опоре на гласный «А» (заиг-

раЮ, грачАм, крАю, ночАм), не считая заударных и предупредительных редуцированных вариантов фонемы.

*Вот и лета венец. Отцвела на лугах
медуница. («Обращение»).* В этой строке-зачине торжество, праздник звучащего [Ц] и менее заметная, но «работающая на эстетику» строки инструментовка гласным звуком [Э] и ударным, и слабыми позициями.

Мы читаем стихи чаще всего как прозу, «когнитивно», цепляясь за содержание, выверяя содержание со своим личным читательским опытом, и сразу же возникают вопросы: что это за золотой колоколец (пчела? оса?), играют ли сейчас на жалейке, даже для себя. Медуница – ранневесенний цветок, и вряд ли в августе, в преддверии осени мы вспоминаем о медунице. Все эти слова приглашены каждое в свое стихотворение по требованию формы, звукового соответствия ожиданиям строки. Высказанную мысль, развить, можно довести до абсурда. Проф. М.В. Панов на одной из своих лекций о К.Н. Батюшкове в 1983 году прокомментировал известную «историю с ландышем», когда, читая К.Н. Батюшкова: «И ландыш под серпом убийственным жнеца», А.С. Пушкин отметил на полях, что ландыш – житель леса. «Но у Батюшкова своя ботаника». Поэзия, если не во всем, то во многом условна.

Поэзия разрешает расширение сфер, и любой поэт знает, как часто приходится выбирать между «правдой» жизни и «красотой» звучания.

*Отчего в тишине я не в силах запеть
и заплакать? («Осенние раздумья»).*
*Устелю свои сани коврами... («Коло-
сок»).* ...сАни коврАми...
*Опустелось зарево на хаты...
(«Этюд»).* ...зАрево на хАты...
*С головой окунусь в полынью... («Лап-
ти»).* ...окУнУсь в полыньЮ...
*Там, где тишь стоит над ивою...
(«Лето»)* ...тИшь стоИт над Ивою...

Мы сейчас берем начальные строки стихов Дмитрия Маматова, так называемые зачины, но выходим как минимум на две проблемы. Удастся ли поэту сохранить изначальный, заданный первой строкой уровень эстетики стиха? А если не всегда удастся, то имеет ли филолог право отдельные строки поэта пропагандировать как лингвистические находки, поэтические формулы (*Отчего в тишине я не в силах запеть и заплакать? //*

И оделась в сумерки лошадка, / По России оставляя след.)? И прикладной вариант второго вопроса: можно ли включать в словарь контексты поэта, например, включить в словарь оттенков цвета строку о сизой золе: Приостыло горестное слово, / Словно в печке сизая зола... («Верность») или другое употребление эпитета-колоратива «сизый»: Дремлют сизые отроги... («Ночь»), или создание своих собственных цветообозначений: Промчатся чайки пенно-белокрылы... («Летние раздумья»); Вот присели на стог в черноплюшевых митрах... («Воробы»).

Ответ на первый вопрос: удастся ли поэту сохранить уровень начальной строки на протяжении всего стихотворения, когда эта строка особенно мелодична, частично отрицательный. Далеко не всегда удается без шероховатостей и издержек написать все стихотворение. Но вот на второй вопрос: имеем ли мы право пропагандировать стихи на уровне отдельных строк и строф – ответ, безусловно, положительный. Исследователям-филологам, литературным критикам, увлеченным, «продвинутым» читателям (а таких в нашей многочитающей стране большинство!) нужно, необходимо, целесообразно внедрять в общий фонд языка удачные строфы, части строф и даже отдельные строки местных поэтов, пополнять сокровищницу языка, причём это важно не только для языка – это важно для развития национальной культуры, коррекции её самосознания. Это важно и для поступательно-накопительного движения к более сложным формам отражения жизни нации.

К сожалению, в российской филологической традиции презумпция интереса к отдельной части стиха, к «вырванной» из стихотворения строке до сих пор не сложилась. Что-то не приглянулось, не понравилось в отдельном стихотворении – и отмечается все творчество, «закрывается» поэт с его лично сформированным языком и поэтическим мышлением.

Помочь зарождению традиции поиска, «схватывания» ценного может живой интерес непредвзятого читателя и читателя-специалиста, интерес, осуществляемый через выписывание строк, включение их в позицию эпиграфа (а мы явно недодаем этой позиции свежего материала!), включение строк в практику нейролингвистического программирования, когда чья-то строка может эстетизировать переживаемую неприятность, проблему, даже беду. Проиллюстрируем возможный «перевод» лично пережитого строками, частями строф и строфами исследуемого нами поэта.

Отчего в тишине я не в силах запеть и заплакать? («Тишина»), Друга нет – враги его навязут, / Нет врага – дру-

зья его найдут («Время»). Лишь скрипит крылом журавль колодезный / И никак не может улететь («Побывка»). И весна улетает прочь, / Разноцветьем благоухая. А с поэтом лишь только ночь. Только ночь... Только ночь глухая. («Судьба»).

Собственно, такие формулы и рождают и точную интонацию, и лирический пафос поэзии.

С чего начинается интерес к языковой форме, самому звучанию слова ещё до включения его в стих? Не с детских ли впечатлений, маминых ли прибауток? «Горе-горе – жить на козогоре» – поговорка мамина была. <...> Щедро мне оставлены в наследство / Горькие и вечные слова. («На козогоре»). Поэт обыграл семантику слов, а мы обращаем сейчас внимание на значимость поговорки, с детства воспитывающей любовь и интерес и к рифме, и к ритму, и к игровой выразительной речи.

До сих пор в центре нашего внимания были в основном отдельные строки поэта. Обратимся теперь к наиболее удачным строфам в поэзии Дмитрия Маматова.

В пути устав, остановлюсь на миг, / Смежу глаза от неоглядной сини. / Холмы, холмы... О сколько их, святых / И проклятых Россией, по России! / Над ними тучи с четырех сторон / О ветер разбиваются скандальный, / Где жаворонка лучезарный звон, / И колокольный звон, и звон кандальный. / Кандальный звон, как стон, стоит в ушах, / Издалека ночным шакалом воя... <...> Холмы войны от Бреста до Москвы, / Тех, кто лишен покоя на погосте. / Холмы лесов глядят из-под листьев, / Холмы полей за плугам сеют кости. / Холмы церквей, холмы крестьянских мест, / Холмы лугов, истерзанных в рассвете... / Холмы-холмы мне видятся окрест... «Холмы» – одно из наиболее удачных стихотворений Дмитрия Маматова. Здесь музыка слова (повторяющегося рефреном слова «холмы», или мелодичная строка: Где жаворонка лучезарный звон, / И колокольный звон, и звон кандальный.) сопряжены с лирическим пафосом, где личное соотносено с общенародным, где в подтексте сильны реминисценции с другими авторами произведений о войне, о войнах и ратных подвигах. Стихотворение «Холмы» посвящено Евгению Носову – писателю, чье творчество сейчас начинает получать достойный исследовательский отклик. (В Курском государственном университете недавно защищены три диссертации и готовятся к защите еще две по языку писателя!).

Рассмотрим еще одно стихотворение Дмитрия Маматова.

За пенья туман уцепился в бору / Под праздник Святого Успенья / И, зябко проснувшись, ушел поутру / На зов пегушиного пенья. / Споткнувшись о лод-

НА ЛАВОЧКАХ

Есть ещё в России деревушки,
Где над миром годы и уют.
Там сидят на брёвнышках старушки
И ватрушки дёснами жуют.

Приутихнут шёпоты лещины,
Загорятся поздние огни,
Смоет месяц с бабушек морщины,
Лишь тогда расходятся они.

А на завтра снова, словно в гости,
Новости приносят напоказ
И опять усердно моют кости,
Ими перемытые не раз.

Так сидят, хоть в мае, хоть в июле,
А без них безлюдно на селе.
Добрый вечер, милые бабули,
Счастья вам, живущим на земле!

ОКОЛИЦА

Вечер. Околица
Словно пьяна,
Вот-вот расколется
в ветлах луна.
Девки за хатой
Песни поют,
Митьке Маматову
Спать не дают.
Радостью выткана
Зорька-любовь,
Где ж она, Митькина
Прежняя кровь?
Звякну калиткою,
Пляс – по плечу,
Самую прыткую
Девку схвачу.
К речке в обнимочку,
В лунную гладь,
Ночь и тропиночку –
Митькою звать.

СЦЕНА В ДЕРЕВНЕ

Уж рассвет давно потух
За далёкой пашнею.
Ходит по двору нетух
Радугой домашнею.
Он горланит над селом,
оглашая улицы,
Фиолетовым крылом
Загребает курицу.
Гладит боком ей крыло
Правое и левое,
А она на всё село
Ходит королевою.
Колобродит среди пней
Он шагами спорыми
И танцует перед ней
С золотыми шпорами.
Повествует ей чуть свет
Утренние новости
И, видать, у Пети нет
Ни стыда, ни совести.
Расправляет ей, родной,
Пёрышки, как дурочке,
Чем же хуже той, одной,
остальные курочки?

ЭТИОД

Опустилось зарево на хаты,
Поиграв снежинками в саду.
Жаль, что долго не живут закаты,
Умирая прямо на ходу.

Хороши багряные изломы,
По лесам заснеженной страны.
Вдоль села проехал воз соломы,
Словно сказка дивной старины.

Проскрипел, ни чопорно, ни шатко,
Загорелся в дальних окнах свет.
И оделась в сумерки лошадка,
По России оставляя след.

ЛАМПАДА

Под лёгкий звон и шелест листопада
Я тороплю застоянных коней,
В закатный час осенняя лампада
Зажглась в тиши над Родиной моей.

Свалю я с плеч житейской бури ношу:
Зачем в ней счастье зыбкое ищут?
В твоё окно огонь рябины брошу
И соловьём разбойным просвищу.

Ты улыбнёшься горестно при этом,
В плену прогресса и других идей:
Любовь к такси, коврам и кастаньетам —
И что тебе до резвых лошадей?

А я под звон и шорох листопада
Не запалю доверчивых коней.
Горит, горит осенняя лампада
Звездой любви над Родиной моей!

ДОЧКЕ НАТАШЕ

До тоски опостылел девятый этаж,
Ни рассвета над ним, ни заката.
Отыщу я в лесной глухомани блиндаж
В нерушимых четыре наката.

В нём отгрохало письменный стол под верстак,
Презирая любую цензуру,
И собою от вражеских тёмных атак
Изнутри заслоню амбразуру.

Загорится лампадный огарок свечи,
Чтобы слушать лишь птичьи пароли,
Чтобы филин угрюмый в туманной ночи
Мне являлся в трагической роли.

Да поможет он, в глушь вековую маня,
Сбросить ношу душевного груза,
И тогда в том жильё не покинет меня
Земляная крестьянская муза.

С нею буду дружить до земного конца
И, склонясь над своими грехами,
Поклянусь в блиндаже, чтоб в людские сердца
Не стрелять холостыми стихами.

ку, потрогал весло, / На миг приютился
у сада, / Потом на рогах на луга унесло /
Его крутолобое стадо. / Он властвовал
там, где заря нипочем / Над зеркалом
глади озерной, / Но солнце сверкнуло лу-
чом, как мечом, / И съело туман беспри-
зорный. («Туман»). Менее удачны, слу-
чайны, на наш взгляд, здесь слова в тре-
тьей, заключительной, строфе: *нипочем,*
съело, беспризорный, хотя можно счита-
ть, что они работают на звуко-симво-
лизм, переключку звуков, тем более в
рифмах. Стихотворение «Туман» состо-
ялось. Его можно отнести к лучшим сти-
хам поэта. *Споткнувшись о лодку, потро-
гал весло...* — здесь нет слов «тишина»,
«тихо», но впечатление утренней тиши-
ны и свежести исключительно сильное.
Первая строка — еще одно свидетельство
замечательной музыкальности русского
языка: *За пенья туман уцепился в бору /
Под праздник Святого Успенья...*

*Потом на рогах на луга унесло / Его
крутолобое стадо.* Удачный образ ста-
да, движущегося по деревне, находим и
в другом стихотворении: *По дороге пыль-
ной мимо хат, / Мимо старой лодки у
причала / Стадо, на рогах неся закат, /
Тишину вечернюю качало.* («Награда»).
Повторы образных находок хороши тем,
что закрепляют найденное. Так, у совре-
менной поэтессы Светланы Кековой в
стихах повторяется образ пчелы на цвет-
ке как жужжащей, живой брошки. Выше
мы писали о беспризорном тумане у
Дмитрия Маматова. Эпитет *беспризор-
ный* поэт использует и в других стихах:
*И бредет по жизненным обочинам /
Юность беспризорная моя.* («Золотые
травы»); [О медали] *Беспризорна, блед-
на и бедна. / Обвенчалась с нуждой и раз-
рухой...* («Медаль»).

*Может, свидится, может, сбудется,
/ Чтоб с любимой лицо в лицо. / Все мне
кажется, все мне чудится, / Что найду
под луной кольцо. / Бесконечное, безна-
чальное, / Без истории, / без герба / Ве-
личальное, обручальное / И печальное,
как судьба.* («Кольцо»). Секрет воздей-
ствия этого стихотворения поэта не
только в музыке звуков, в интонации
единения надежды и отчаяния, но и в
использовании грамматической экспрес-
сии, а именно — глаголов с приставкой
ОТ- в значении финала, завершения
действия: *отскандалили, откандалили,
отструилась, отцвел.* Гипербола в соче-
тании с глагольной метафорой: *ива стек-
ла* в яр, неожиданная рифма: *цыганочка*
— *поганочка*, причем *минутин поганоч-
ка* образован от слова далеко не поло-
жительного — все это и делает стихотво-
рение стихотворением, то есть неподра-
жаемым образцом: *Где плачущая, непо-
рочная / Ива юная в яр стекла / И земля
еще полночная / От цыганских костров
тепла. / Ах, далекая ты, цыганочка, /
Свет бродячего соловья! / Распрекрасная*

*ты поганочка, / Мимолетная, не
моя!*

Название стихотворения «Мой дом» подготавливает к картинам мирной жизни, но уже первая строка «Мой номер дома сорок первый» взрывает ожидаемое, переполняет стихотворение и выраженным, и скрытым трагизмом, рефреном звучит и в финальной строфе: *Мой номер дома сорок первый / Укрыт надежно от дождя. / Мне этот номер студит нервы, / В год сорок первый уводя. / Тогда под ним пришлось мне падать / И с голодухи, и с коня... / Ах, память, память, что ж ты, память, / Зачем ты мучаешь меня?* («Мой дом»).

Д. Маматов ищет собственный, наиболее подходящий ему образный ряд. Это повторяющиеся образы журавлей, босоногого детства, жалейки. Тем важнее для исследователя найти и зафиксировать новизну и свежесть эпитета: *...О сруб дубовый / Стучит бодливая бадня* («Мой дом»), новизну и свежесть сравнения: *Две рябины стоят, как рабыни, / Под моим одиноким окном...*

Сюжетных стихов, стихов с событием не может быть много по определению — тем более интересны некоторые из них. У Дмитрия Маматова это стихотворение «Кошки» и «Баллада о слепой лошади». «Кошки» — это о земном, о любви, инстинкте жизни, казалось бы, не более чем бытовая сценка, но стихотворение, лишенное банальных фраз, получилось выразительным, сильным и по-своему пафосным. *Но, увидев столько женских ножей / Под опекой опытных повес, / Погляжу с тоской на бедных кошек / И метлу бросаю под навес.*

Шахтер решает вернуться в село и приводит с собой ослепшую в шахте, почти умирающую слепую лошадь: *Бабьим летом первый клен окрашен. / Прижилась лошадка во дворе / И, почуяв дух лугов и пашен, / Вдруг, как день, прозрела на заре...*

Подводя черту исследованию лишь некоторых особенностей поэзии Дмитрия Акимовича Маматова (1931 — 2005), отметим, что поэт, по-видимому, интересен далеко не только тем, о чем мы сейчас упоминали. Языковые находки, поэтические богатства региональной музыки требуют неустанный и внимательного изучения и фиксации.

В.К. ХАРЧЕНКО,

доктор филологических наук,
профессор (Белгородский государственный университет)